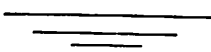

жению молодых научных сил, имеет огромное значение для развития всей нашей исторической науки.

Оглядываясь на пройденный полувековой путь, который советские историки древнего мира в рядах советских ученых прошли вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии, мы можем сказать, что этот путь был нелегким, но он был полон творческих исканий и успехов. Главное, что отличало нашу науку от буржуазной на всем протяжении ее существования, — это воинствующая марксистско-ленинская методология, принципы исторического материализма, проводившиеся в наших исследованиях.

Успехи советских историков древнего мира являются частью тех успехов, которые одержал весь наш народ в построении социалистического общества под руководством Коммунистической партии. Свою задачу историки древнего мира видят в том, чтобы еще более активно бороться за дальнейший расцвет передовой советской исторической науки.

И. М. Дьяконов

ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ. О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДО СЕРЕДИНЫ II тыс. до н. э.

Как кажется, в настоящее время советской школой историков древнего Востока накоплено довольно значительное количество материалов, которые позволяют нарисовать цельную и достаточно определенную картину социально-экономической структуры общества Ближнего Востока первой половины II тыс. до н. э. Автор настоящей статьи и некоторые его товарищи предполагают опубликовать свои обзоры накопленного материала, обращая при этом внимание прежде всего на черты общности между различными странами Ближнего Востока и уделяя меньшее внимание чертам различия, важность которых, конечно, не может быть недооценена. Первая обзорная статья, написание которой принял на себя я, посвящена проблемам собственности на Ближнем Востоке в исследуемый период¹.

дальнейшем предполагается опубликовать статьи, посвященные двум секторам экономики и социальному строю обществ Ближнего Востока, а также определению структуры этих обществ в изучаемую эпоху, прежде всего в связи с проблемой работников царских хозяйств в их противопоставлении свободным землевладельцам вне этих хозяйств (как по отдельным странам, так и по всей исследуемой географической области).

1. СОБСТВЕННОСТЬ И ЦАРСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Когда мы обращаемся к вопросам общественной структуры в древних государствах Азии и Африки, то прежде всего возникает вопрос о царской собственности. Хотя никто еще до сих пор не мог доказать, что царь в древней Западной Азии был верховным собственником всей земли в государстве, такое утверждение продолжает повторяться из книги в книгу, из статьи в статью². Поэтому начнем прежде всего с определения, что такое собственность.

¹ При написании статьи автор с благодарностью пользовался консультациями и советами ряда товарищей, в том числе Н. Б. Янковской — по периферийным обществам Западной Азии и некоторым теоретическим вопросам и Н. М. Постовской — по Египту.

² Перечислить их все вряд ли возможно; во всяком случае, такое утверждение, иногда в прямой форме, иногда в несколько смягченном виде (например, «централизованный в руках государства земельный фонд страны», «наделами общинники пользовались не на правах собственности», «общинные земли... считались собственностью государства» и т. п.), можно встретить почти в любом нашем учебнике. Если обратиться к монографическим исследованиям, то и здесь часто встречаем подобные же утвержде-

Собственность можно рассматривать как явление экономическое, как идеологическую, социально-психологическую категорию и как явление правовое. Но рассматривать ли ее с той или этой точки зрения, — нужно прежде всего отметить распространенную в исторических работах ошибку, которая заключается в нечетком различении собственности от владения: владение часто рассматривается историками как нечто вроде неполной собственности, или собственности второго разбора³. В действительности же это вещи совершенно разного порядка.

Владение есть голый материальный факт власти над вещью, а именно, власти, осуществляемой данным лицом в отличие от других лиц и в данный момент; как только материальный объект перейдет в фактическую власть другого лица, владелец тотчас же перестает быть владельцем. Таково экономическое содержание понятия владения. Это — материальный факт, являющийся результатом материального действия — завладения вещью. Правовая наука рассматривает этот факт с точки зрения его согласия с правом или, наоборот, его противоправности⁴. Но, хотя право и рассматривает владение со своей точки зрения, тем не менее само по себе владение не является общественным (правовым) отношением, а только материальным фактом, по поводу которого возникают те или иные общественные отношения и в том числе правоотношения. Во владении участвует только субъект (человек, люди) и материальный объект (вещь), между тем право регулирует отношения между людьми (в том числе и по поводу вещей), а не между человеком и неодушевленной вещью⁵; поэтому ведению права

ния. В их числе — цитируемая ниже работа Э. А. Менабде «Хеттское общество»; мы выбрали ее как пример не потому, что она в этом вопросе заслуживает больше критики, чем другие, но как наиболее новую монографию по социально-экономической истории древней Передней Азии (Э. А. Менабде, Хеттское общество, Тбилиси, 1965; далее — ХО). Эта монография содержит много важных фактических сведений, но в вопросе собственности она совершенно ошибочно ориентирует читателя. На стр. 83 автор формулирует свою концепцию так: «Царская (государственная) земля, состав территории страны, всей совокупностью которой номинально и фактически владел сам правитель Хатти, считавшийся верховным собственником всех богатств государства». Из этой формулировки явствует, что Менабде идет еще дальше традиционной (и ничем не подтвержденной) точки зрения, согласно которой царь был верховным земельным собственником: он считает хеттского царя верховным собственником всей как недвижимой, так и движимой собственности в стране («всех богатств государства»); но мало того, — царь, по Менабде, еще и владеет всем этим, т. е. осуществляет над этими объектами материальную власть — правда, неясно, к чему именно относится его «фактическое», а к чему «номинальное» владение. По дословному смыслу формулировки, царь не только номинально, но и фактически владел всей землей государства, хотя царская земля занимала не всю территорию, а только основную ее часть, а царский дом занимал только часть царской земли... Чем же именно владел царь? Столь запутанная формулировка приводит далее Менабде к ряду противоречий, с которыми ему не удастся справиться. Но, как сказано, справедливость требует отметить, что Менабде далеко не одинок в подобных представлениях о древневосточной собственности.

³ См. в связи с этим обстоятельную и справедливую критику ряда работ наших видных историков древности в книге: А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М. — Л., 1948 (далее — ГСС), стр. 70, прим. 59. Следует заметить, что сама принятая терминология способствовала возникновению некоторой путаницы в этом вопросе: так, распространенные термины «домовладелец», «землевладелец», «рабовладелец» означают обычно «собственник дома, земли или раба», а отнюдь не «владелец» дома, земли или раба. См. об этом Венедиктов, ГСС, стр. 15.

⁴ О владении и праве владения см. Венедиктов, ГСС, стр. 15.

⁵ См. Я. М. Магазинер, Объект права, «Очерки по гражданскому праву», М. — Л., 1957, стр. 65—78; О. С. Иоффе, Советское государственное право (курс лекций). Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах, Л., 1958 (далее — СГП, I), стр. 168—172.

подлежит не само владение, а отношения, возникающие между людьми в связи с фактической властью над материальным объектом⁶.

Право владения есть право данного лица на воздержание всякого другого лица от осуществления фактической власти над данным материальным объектом. Однако само владение может быть и не основанным на праве и даже противоправным. Более того, факт владения может быть и юридически безразличным, если не имеется никаких лиц, противостоящих владельцу, и, следовательно, если не возникает вообще никаких общественных отношений, в том числе и правоотношений⁷.

✓ Собственность же есть отношение между людьми, а именно, между собственником и несобственником. Там, где нет несобственника, не может быть и собственника, так как у него не возникало бы никаких отношений с другими людьми. С экономической точки зрения собственность есть такое отношение между людьми, суть которого состоит в отстранении в процессе производства и распределения всякого несобственника от материального объекта собственности, — т. е., прежде всего (поскольку речь об экономике) от условий и средств производства⁸, — собственником (как частью класса собственников) по собственной воле и в собственных инте-

⁶ К сожалению, право игнорируется многими нашими историками: мы не найдем разделов о праве (если не считать использования правовых источников как источников по социальной истории) ни в многотомнике «Всемирной истории» Академии наук СССР, ни в проспекте многотомника «Всемирной истории культуры». Некоторые историки до сих пор рассматривают право не как систематизированную волю господствующего класса, отражающую реальные общественные отношения, выступающие в виде правоотношений, а как некую систему, которую позволительно игнорировать и имеющую задачей лишь «навести тень на ясный день», именуемую «юридической фикцией» (см. например, Ю. И. Семенов, Проблема становления классов и государства на древнем Востоке, НАА, 1965, 3, стр. 65). В действительности «юридической фикцией» называется определенный заранее применяемый в праве рабочий прием, состоящий в том, что тот или иной юридический же факт, заведомо или возможно не имевший места, условно принимается за существующий, чаще всего — для упрощения вытекающих юридических последствий. Например, никто не может отговариваться перед судом незнанием законов: если бы это было разрешено, то это сделало бы невозможным всякое отправление правосудия. Поэтому существует юридическая фикция, что всякий гражданин знаком со всеми законами государства. Но нелепо было бы называть «юридической фикцией» юридическое оформление реальных общественных отношений, например, акт передачи собственности — продажу, дарение, и т. п. или, в другой правовой сфере, избрание правителя на престол.

⁷ Например, Робинзон может завладеть попугаем; каким-либо имуществом (скажем, скотом) может завладеть даже не лицо, а живое существо, не являющееся человеком (медведь). Общественных отношений в связи с подобными случаями владения не возникает. Но они не могут не возникнуть, если речь идет не о владении, а о собственности.

⁸ Между классами в процессе производства (а также в процессе распределения и потребления) возникают и другие отношения, помимо связанных непосредственно с присвоением средств и условий производства. Однако именно последние отношения, — т. е. собственность, — являются при данном способе производства определяющими. Поэтому К. Маркс, касаясь собственности как экономического понятия, и говорит, что «ни о каком производстве, а стало быть ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 12, стр. 714). В самом деле, если нет отношений между людьми в процессе производства, то нет и общества, а «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее» (там же, стр. 713), поэтому без собственности нет и общества: «будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства» (там же). И однако, там, где (как в эпоху первобытности) есть общество является собственником и где, таким образом, нет несобственников, которых нужно было бы устранить от присвоения материального объекта, там общественные взаимоотношения, в пределах и посредством которых происходит присвоение предметов природы, оказываются как бы нулевыми, так как силы, противостоящие друг другу в этих взаимоотношениях, оказываются равными самим себе. Это и позволило Марксу сказать в другом месте, что если землей владеет все общество, то «было бы правильно сказать, что существуют семьи».

ресак. Итак, если владение с экономической точки зрения есть голый факт, то собственность есть отношение между людьми. При этом речь идет опять-таки не просто об устранении другого от прямого обладания предметом в данный момент, а об осуществлении полного устранения всякого несобственника от объекта собственности. Такое полное его устранение есть не что иное, как *присвоение* предмета; оно создает для присваивающего (собственника) возможность беспрепятственно осуществлять фактическую власть над предметом в данный момент (владеть им), извлекать из него любые блага (пользоваться им) и определять его дальнейшую общественно-экономическую судьбу (распоряжаться им). Закрепленное в законе или в обычном праве, это есть *право собственности*⁹.

Само собой разумеется, что в реальных условиях общества возможность устранять известную группу людей от средств и условий производства определяется расстановкой классов в процессе производства. Поэтому собственность как историко-экономическая категория равнозначна общественному отношению между классами, возникающему при данном способе производства в связи с присвоением средств и условий производства¹⁰. В определение же права собственности нет прямой необходимости вносить оговорку относительно того, что оно зависит от данного способа производства: эта оговорка уже дана тем, что мы определяем право собственности как известное общественное отношение, закрепленное законом, ибо закон есть сконцентрированная и сформулированная определенным образом воля господствующего класса, и, стало быть, всякое право уже предопределено расстановкой классов в процессе производства, т. е. способом производства.

Итак, право собственности есть закрепленное законом *исключительное* право индивида или коллектива владеть, пользоваться и распоряжаться средствами и продуктами производства своей властью и в своем интересе¹¹.

роды, которые еще только владеют, но не имеют собственности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 25, II, стр. 165). К этому вопросу нам еще придется вернуться. В то же время, что касается владения, то оно столь же древне как человек.

⁹ См. Иоффе, СГП, I, стр. 269 сл. Правовая наука различает факт собственности и право собственности. точно так же как факт владения и право владения, факт пользования и право пользования и т. д. Но если юридический факт владения есть и с экономической точки зрения материальный факт, то юридический факт собственности означает с экономической точки зрения наличие известных отношений между людьми.

¹⁰ Поэтому по Марксу (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 12, стр. 713—714) общественное производство, рассматриваемое как «присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством ее», тождественно собственности в ее экономическом смысле. Как справедливо отмечалось в нашей юридической литературе (напр., Я. М. Магзинером), присвоение предметов природы не следует воспринимать как отношение человека к вещам, ибо само присвоение вещей как своих в отличие от чужих есть установление определенных общественных отношений между людьми. Маркс подчеркивал ошибочность взгляда Гегеля, видевшего в частной земельной собственности «не определенное общественное отношение, а отношение человека как личности к „природе“...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 25, II, стр. 165²⁶). Для Маркса же собственность есть общественное отношение (см. выше, прим. 8).

¹¹ Разумеется, в пределах, ограниченных законом и осуществлением прерогатив суверена со стороны государства.

¹² О. С. Иоффе (СГП, I, стр. 274) формулирует право собственности следующим образом: «Право собственности как право присвоения, выраженного в определенной общественной форме, есть закрепленное законом право индивида или коллектива владеть, пользоваться и распоряжаться средствами и продуктами производства своей властью и в своем интересе». При этом автор поясняет (стр. 270): «Процесс присвоения — это отношение человека к природе, т. е. общественные производительные силы, а форма присвоения — это отношения между людьми, т. е. общественно-производительные отношения. Следовательно, понятие собственности равнозначно понятию способа производства как неразрывного единства двух его сторон — производительных

Всякое право индивида (правомочие) оформляет отношение не между человеком и вещью, а между людьми и есть не что иное, как обеспеченная гражданским законом мера поведения определенных (управомоченных и обязанных) лиц в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченных (Иоффе, СГП, I, стр. 70—71). В частности, право собственности означает меру дозволенного собственнику поведения, направленного на объект собственности (именно, он может беспрепятственно владеть объектом собственности, распоряжаться его судьбой и пользоваться им, то есть извлекать из него любые блага), и меру ограничения поведения обязанных лиц (которыми в данном случае являются все не собственники): именно, они обязаны воздерживаться от препятствования собственнику во всем вышеперечисленном.

Как мы видели выше, право владения есть тоже право отстранить любое иное лицо, кроме владельца, от объекта владения. Но этим сходство и ограничивается. Владение может быть независимым не только от права владения, но и вообще от каких-либо общественных отношений между владеющим лицом и другими людьми: это всего только власть данного человека над данной вещью в данный момент. Собственность же не может существовать помимо отношений между людьми, и ее нет вне конкретной формы общества, так как самое ее содержание именно и состоит в противостоянии собственника не собственнику. В праве это противостояние закрепляется законом, но даже и не закрепленная в праве объективная возможность отстранять прочих лиц от присвоения материального объекта есть отношение между людьми (экономическое), возможное только в пределах какой-либо конкретной формы общества и посредством ее.

В истории собственность проявляется также и как идеологическая, социально-психологическая категория; как таковая, она играет огромную роль в конкретно-историческом развитии (поскольку экономические факторы действуют на развитие истории не сами по себе, а через волю людей и, стало быть, претворенными в идеи, владеющие сознанием масс); в этом смысле собственность выражается в отношении собственника к предмету как к своему. Именно в идеологической области запутываются реальные соотношения вещей, объективно существующие в обществе при данном способе производства, создаются условия для вещного фетишизма и для искаженного восприятия действительных общественных

сил и производственных отношений. Но правовые нормы могут регулировать не отношения человека к природе, а лишь общественные отношения людей. Поэтому в праве собственности получает непосредственное отражение и закрепление только определенная общественная форма присвоения, т. е. общественно-производственные отношения. Косвенно, через эти отношения, право собственности отражает и закрепляет также и самый процесс присвоения, т. е. производительные силы общества». Как мне кажется, здесь Иоффе не вполне прав, отождествляя процесс присвоения с отношением человека к природе и с производительными силами общества. Ведь само присвоение не сводится к простому овладению — иначе в области экономики не было бы качественной разницы между владением и собственностью. Само присвоение предполагает полное отстранение всякого иного лица от данного материального объекта и, следовательно, является не отношением человека к природе, а общественным отношением, — которое может иметь ту или иную форму в зависимости от способа производства. Неясно также, что означает «косвенное отражение» присвоения в праве собственности. Поскольку присвоение равнозначно полному отстранению любого иного лица от данного материального объекта, постольку в области права оно равнозначно владению, пользованию и распоряжению. Нельзя прямо отождествлять собственность в экономическом смысле со способом производства — она существует в пределах данного способа производства как его аспект, но не сводится к нему, что явствует, между прочим, из соображений, приводимых Иоффе (СГП, I, стр. 271). Зато, как мы увидим ниже, Иоффе вполне прав, указывая на то, что владение, распоряжение и пользование предметом не по своей воле или не в своих интересах, а по воле другого лица или в интересах другого лица, еще не составляют собственности (СГП, I, стр. 272 сл.).

отношений¹³. Насколько сильным является субъективно-идеологическое восприятие собственности как отношения между человеком и предметом, видно из того, что оно долгое время прочно господствовало в экономической и правовой науке, имея, в частности, сторонников и среди советских ученых.

Однако это субъективно-идеологическое восприятие собственности как отношения между человеком и мертвым предметом не должно затемнять объективного понимания собственности как отношения между людьми, выражающегося в возможности для собственника полностью отстранить несобственников от объекта собственности в соответствии с общественными условиями, создаваемыми данным способом производства (экономическая собственность), — или в той же возможности, но закрепленной в конкретном законе (право собственности).

Собственность и право собственности не совпадают с реальным *о с у щ е с т в л е н и е м* возможности, которая в собственности заложена. Так, с точки зрения права, собственник может и не устранять несобственника от владения, распоряжения и пользования объектом собственности. Например, он может уступить право владения и пользования арендатору или даже право владения, распоряжения и пользования — эфитевту (чиншевику), это — в его законной власти. Но арендатор, являясь только владельцем и пользователем, не может ни употреблять свое право владеть и пользоваться объектом против интересов собственника, ни устранить собственника от распоряжения объектом, например, лишить его права отказаться от продолжения аренды или же продать ее объект; точно так же и эфитевт, как бы давно ни возникло его право, не может лишить собственника, в пределах договора эфитевзиса, права распоряжаться объектом его собственности. Это — не в законной власти эфитевта. Правомочия собственника уступлены, но не прекратились. Поэтому эфитевт, владея, распоряжаясь и пользуясь объектом собственности, — не собственник, а собственник может им оставаться, не владея, не распоряжаясь и не пользуясь объектом своей собственности в данный момент, так как собственность есть общественное отношение между людьми, а не фактическая ситуация. Напротив, владелец, лишившийся объекта владения, тотчас же перестает быть владельцем, потому что владение есть не общественное отношение, а лишь материальный факт.

Объем права собственности может исторически меняться; например, право распоряжения (*jus disponendi*) или право пользования (*jus utendi fruendi, jus utendi et abutendi*) могут в большей или в меньшей степени быть ограничены господствующим классом и государством. Кроме того, сама собственность определена характером производственных отношений, в рамках которых происходит присвоение; в связи с этим собственность может быть коллективной и индивидуальной, полной и разделенной (верховой и подчиненной); различны могут быть группы несобственников, отстраняемых от объекта собственности, — но от этого суть собственности

¹³ Маркс уделял этому очень большое внимание, в частности — собственности в качестве субъективно-идеологического отношения индивидов к объектам собственности как к своим. См. подробный разбор этого вопроса в книге: В е н е д и к т о в, ГСС, стр. 22—29. Но фактически отношение к предмету как к своему, означает отношение к нему как к не чужому, т. е. предполагает общественное отношение между людьми — возможность отстранения несобственника от материального объекта собственности. Разумеется, человек далеко не всегда это сознает. Этнография и языковедение накопили обширный материал о понятии «свое» у первобытных народов; оно реже исследовалось для народов древности. Ср. интереснейший материал, собранный Ю. Я. Перепелкиным в его книге: Ю. Я. П е р е п е л к и н, Частная собственность в представлении египтян Старого царства, ПС, 16 (79). 1966, (далее — ЧСПЕ): отношение к «своему» как к «своему телу» (в том числе и к родичам-агнатам).

как общественного отношения не меняется, и этим собственность отличается от владения, которое не является само по себе общественным отношением, а только фактом, по поводу которого могут складываться те или иные общественно-экономические и правовые отношения.

Считается, что собственность может быть разделенной — т. е. верховной и подчиненной¹⁴. Подчиненный собственник, — например некоторые из феодальных крестьян, — ограничен в своей собственности наличием собственника верховного, но и он — с о б с т в е н н и к, потому что он отстраняет от объекта собственности всякого несобственника, хотя это отстранение не распространяется, конечно, на верховного собственника; было бы неправильно обозначать подчиненного собственника как «только владельца, но не собственника»: он не только фактически осуществляет в данный момент материальную власть над объектом, но и состоит с окружающими в определенных общественных отношениях, которые позволяют ему владеть, пользоваться и в известных пределах распоряжаться объектом без помехи со стороны других лиц. Иное дело, если его владение и пользование носят прекарный характер, т. е. уступлено ему под определенным условием и длится только пока выполняется это условие: он уже тем самым не обладает правом беспрепятственного владения, пользования и, главное, распоряжения объектом и, стало быть, не является его собственником. В дальнейшем мы вернемся к вопросу о том, как это обстоятельство отражается на определении социально-экономического характера непосредственных производителей материальных благ в древнем обществе.

С другой стороны, верховный собственник — тоже с о б с т в е н н и к, потому что и он отстраняет несобственника от владения, распоряжения и пользования объектом. Он неограниченно распоряжается собственностью, — например он может ее продать или завещать; он владеет ею через посредство зависящего от него подчиненного собственника и пользуется ею, — например взимая за нее ренту. И, само собой разумеется, если речь идет о земле, верховный собственник не может быть поставлен в необходимость покупать землю у подчиненного собственника по той простой причине, что он сам собственник этой земли (верховный); если же он подарит, продаст или иначе передаст землю в чужую собственность, то он тем самым вообще перестанет быть собственником объекта продажи или дарения, все равно — верховным или иным: ведь сама суть акта отчуждения в том и заключается, что объект меняет собственника («свое» становится «чужим») ¹⁵. Это не значит, что верховный собственник земли, если он является в то же время суверенным государством, тем самым вообще лишен права распоряжения землей; но когда собственность на всю землю и государственная власть оказываются двумя неразрывно связанными свойствами одного и того же

¹⁴ О разделенной собственности см. Венедиктов, ГСС, гл. II и III. Понятие это само по себе спорное; не всегда легко провести разграничение между разделенной собственностью и эмфитевзисом и т. п. Но будем пока исходить из реальности понятий «верховная» и «подчиненная собственность».

¹⁵ Э. А. Менабде склонен думать, что получатель дара от царя в виде земли становится лишь условным держателем надела на царской земле и что «высший собственник фактически не менялся в результате акта дарения» (ХО, стр. 108). Это он называет «некоторым своеобразием формы (!) дарения». Но поскольку самим содержанием акта дарения является передача собственности на даримый объект дарителем получателю дара, постольку очевидно, что после дарения царь не может быть собственником дара. Держание же надела под условием есть результат не дарения, а другого акта — предоставления в пользование за услугу или плату. Приводимые Менабде документы (ХО, стр. 49 сл., 105), с нашей точки зрения, ясно говорят именно о дарении земли в собственность, и одно это уже является достаточным доказательством того, что хеттский царь не был собственником всей земли в государстве. См. подробнее I. M. D i a k o f f, *Die hethitische Gesellschaft*, MIO XIII, 1967, 3 (в печати).

физического или юридического лица, тогда всякая продажа земли собственником означает и потерю ее государством.

Итак, верховный собственник всей земли государства, — каковым, якобы, являлся царь в древних государствах Ближнего Востока, — не мог бы ни покупать, ни продавать, ни дарить землю, — так как все подобные акты предполагают переход собственности из одних рук в другие; царь же на древнем Востоке, по определению, якобы всегда и в любом случае остается собственником всей земли государства. Если земля при отчуждении ее государством все равно остается в пределах того же государства, то это означает, что продавшее или подарившее ее государство, потеряв данную землю как собственник, сохранило ее как суверен. Но в таком случае собственность государства перестала распространяться на всю землю в пределах территории, находящейся под его суверенитетом. Если же и после акта отчуждения земли государством оно оказывается по-прежнему собственником в с е й земли на своей территории, то это может быть только в том случае, если государство передало не только право собственности, но и право суверенитета на данную территорию, и последняя не находится более в составе этого государства. Таким образом, любое отчуждение земли государством не совместимо с совпадением суверенитета и собственности на данную землю, а стало быть, государство, отчуждающее землю, не может быть собственником всей земли на своей территории, если только вместе с собственностью на землю оно не уступает и суверенитет на нее. Своему же подданному государство не может ни дарить, ни продавать землю иначе, как лишившись собственности на часть земли в пределах своей территории. Поэтому всякое государство, о котором известно, что оно отчуждает землю на своей территории, не является собственником всей земли в пределах государства. Помимо этого, если бы государство являлось собственником всей земли на своей территории, то оно не могло бы не только продавать и дарить землю своим подданным, но и приобретать у них землю, поскольку оно являлось бы собственником данной земли уже до акта покупки, и подобный акт был бы бессмыслен. Чтобы это лучше уяснить себе, обратимся к более близким к нам примерам.

Возьмем как пример два типа государства. Буржуазное государство, как известно, не является собственником всей земли¹⁶; именно поэтому оно может выкупать землю у своих подданных и дарить или продавать ее им. Напротив, советское государство, которое, как известно, действительно является собственником всей земли в стране¹⁷, не продает и не дарит землю и не покупает ее у своих граждан¹⁸ — оно только уступает право владения и пользования, например, колхозам или отдельным гражданам (Иоффе, СГП, I, стр. 315). Не может советское государство и покупать землю у своих граждан; если по тем или иным причинам земля, временно

¹⁶ Основным китом, на котором зиждется капиталистический способ производства, как известно, является неограниченная частная собственность на средства и условия производства, в том числе и на землю. О некоторых юридических пережитках см. прим. 31.

¹⁷ Ст. 6 Конституции СССР. О совпадении собственника и носителя государственной власти в лице советского государства см. В е н е д и к т о в, ГСС, стр. 319.

¹⁸ В СССР один государственный орган может при известных условиях покупать у другого то или иное государственное имущество (но не землю); это происходит в силу того, что оперативное управление имуществом уступается государством различным государственным органам, которые являются отдельными от государства юридическими лицами. Они могут распоряжаться управляемым имуществом, в ряде случаев вплоть до купли-продажи, однако лишь по уполномочию государства и в его интересах, являясь в данном случае аналогами эффеитов. Но абсурдно было бы представить себе, чтобы в СССР государство как целое могло бы, например, покупать имущество у отдельных государственных органов или же у отдельных граждан (кроме их личной собственности). См. В е н е д и к т о в, ГСС, стр. 349—360; И о ф ф е, СГП, I, стр. 296—304.

переуступленная в пользование граждан, возвращается в непосредственное владение государства, то гражданам уплачивается компенсация за строения, за труд, вложенный в насаждения и пр., но сама земля изымается безвозмездно. Невозможно, чтобы собственник земли продавал или дарил землю и в то же время оставался ее собственником; невозможно, чтобы собственник земли был вынужден покупать свою собственную землю.

Между тем документально установленные факты показывают, что и в Шумере, и в Вавилонии, и в Хеттском царстве и в государствах Сирии, Финикии и Палестины царь и покупал, и дарил, а иногда и продавал землю. Так, в Шумере нам известны случаи скупки земли лагашским *лугалем* Энхегалем¹⁹ и лагашским *энси* Эанатумом²⁰ и др.; в Аккадском царстве — царем Маништушу (правда, за номинальную цену — но в принципе это не меняет дела; все равно, это показывает, что в правосознании того времени царь не был собственником всей земли, раз овладение ею должно было им оформляться как покупка)²¹; в Хеттском царстве²² хорошо известны случаи дарения царем земли в полную собственность; позже такие дарения встречаются в Сиро-Финикии, Вавилонии и т. д.; в Вавилонии и в других странах засвидетельствовано принципиальное невмешательство царской власти в вопросы собственности на землю граждан, не являвшихся царскими людьми (подобные дела разрешались не царским, а общинным судом)²³, хотя, ввиду их влияния на обложение, сделки продажи земли нередко регистрировались перед царем (например, в Ассирии: САЗ В + О (I) § 6; иногда царь выступал в подобных делах в качестве высшей судебной инстанции²⁴. В Сирии XVIII в. до н. э. известны случаи покупки земли царем

¹⁹ PBS, IX, № 2; A. Deimel, *Sumerische Grammatik der archaischen Texte*, Roma, 1924 (далее — SGr), стр. 282 сл.; И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959 (далее — ОГСДШ), стр. 47 сл.

²⁰ H. de Génouillac et F. Thureau-Dangin, *Nouvelles fouilles de Tello de Commandant Gaston Cros*, P., 1912 (далее — NFT), стр. 220; Дьяконов, ОГСДШ, стр. 62.

²¹ MDP, II, табл. I сл.; Дьяконов, ОГСДШ, стр. 69 сл.

²² K. K. Riemschneider, *Die hethitischen Landschenkungsurkunden*, MIO, VI, 3, 1958 (далее — HLU). О том, что это именно дарение, см. Дьяконов, *Die hethitische Gesellschaft*. Ср. также дарение царем храмовой земли в Терке на Среднем Евфрате своему подданному (J. Kohler, P. Koschaker, F. Peiser, A. Ungnad, *Chammurabi's Gesetz*, I—VI, Lpz, 1903—1923 (далее — HG), III, 459). Несколько позже дарения царской земли широко засвидетельствованы в Вавилонии, Угарите и т. д.

²³ Ср. у хеттов E. von Schuler, *Hethitische Dienstsanweisungen*, Graz, 1957 (далее — HD), стр. 47, III, 9 для дел общинников и III, 24 сл. — для дел храмовых людей. Для Вавилонии по этому вопросу в нашем распоряжении имеется материал, который предполагается опубликовать отдельно. Все земельные дела царских людей при Хаммурапи решались единоличным решением царя — но не дела общинников. Ср. ниже прим. 50 и 60.

²⁴ В Угарите — см. М. Л. Гельцер, *Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите*, ВДИ, 1960, № 2 (далее — НВАОУ), стр. 87 и др. Свидетельство надписи Mtn'a (Urk. I, 2 и 4), что акты передачи земли его матерью своим детям и покупки самим Mtn'ом земли у *pjswtjw 'š'* сопровождалась записью в «царском документе», иногда принимают за доказательство существования верховного права распоряжения царя над всей землей Египта (см. Т. Н. Савельева, *Аграрный строй Египта в период Древнего царства*, М., 1962 (далее — АСЕ), стр. 144). Однако здесь может иметься в виду, например, документ, аналогичный среднеассирийскому «крепкому документу перед царем» (*dipru dannatu ina pāne šarre*, см. ЗВАН, II, стр. 239 сл.), т. е. подтверждение акта царем как высшей судебной инстанцией; [во всяком случае, само выражение «царский документ» ('*pjswt*) еще требует выяснения своего реального содержания. Не исключено, что под «царским документом» надо понимать кадастровую опись любого имущества, в которой, естественно, должны были находить отражение все изменения его принадлежности; тем самым эти записи должны были служить и источником доказательств правового титула в случае возникновения претензий на данное имущество. Возможно, что именно такое толкование понятия «царский документ» может быть выведено из самой надписи Mtn'a. — Справка Н. М. Постовской].

у своих подданных²⁵, а в Угарите²⁶ и, может быть, в старой Вавилонии²⁷ — случаи продажи царской земли. Хорошо известен рассказ I Reg., 21, 1—16) о том, что когда Ахав (ʾAḥʾāb), один из могущественнейших царей Израиля, захотел приобрести землю своего подданного Навуфея (Nābôṭ), то последний смог отказать царю в продаже своего участка, и Ахав вынужден был прибегнуть к ложному обвинению Навуфея в политическом преступлении с тем, чтобы конфисковать его землю в порядке прерогативы государства как суверена. По словам Книги царей (21, 17—29), действия Ахава вызвали сильное возмущение в общественном мнении страны, вызванное царю через «пророка». В I тыс. до н. э. безвозмездно отбирать землю у своих подданных не решался и Саргон II, царь ассирийский²⁸.

Следовательно, ни в Шумере, ни в Аккаде, ни в Вавилонии, ни в Ассирии, ни в Хеттском царстве, ни в Сирии, ни в Израиле царь не являлся собственником всей земли государства, ни верховным, ни непосредственным²⁹.

Все функции, осуществлявшиеся древним ближневосточным царем в отношении территории своего царства в целом, сводятся к осуществлению им государственной власти как суверена данной территории³⁰: он может,

²⁵ АТ *52 — *55. М. Л. Гельцер толкует эти сделки, как выкуп не земли, а только связанных с нею известных прав. См. М. Л. Г е л ь ц е р, Новые тексты из древнего Алаха, ВДИ, 1956, № 1 (далее — НТДА), стр. 15—16.

²⁶ Г е л ь ц е р, НВАОУ, стр. 87.

²⁷ Засвидетельствован случай уплаты цены за землю дворцу, стало быть — продажи земли царем, правда, как кажется, в особых обстоятельствах (земля была, возможно, ранее неправомерно присвоена частным лицом — HG, IV, 940).

²⁸ K o h l e r — U n g n a d, ARU, 10.

²⁹ Концепция верховной собственности царя на землю на древнем Востоке связана еще с одной большой трудностью: подлежит объяснению, каким образом могла удасться полная экспроприация всего общества (являвшегося при первобытном строе собственником земли) единолично царем, притом экспроприация — в числе прочего населения — и нарождающегося господствующего класса. Позже подобная ситуация могла складываться при смене одного господствующего класса другим (например феодальным), когда введение верховной собственности царя на землю могло явиться удобной формой изъятия собственности у прежнего господствующего класса (и у свободного крестьянства). Но трудно предположить такую ситуацию в условиях первого класса. Но трудно предположить такую ситуацию в условиях первого слагающегося классового общества: с какой стати возникающий господствующий класс стал бы отказываться от собственности на землю? Нам возражали, что эта аргументация якобы опровергает только возможность осуществления непосредственной собственности царя на всю землю, но не верховной собственности, установление которой якобы не обязательно должно было сопровождаться экспроприацией населения. Помимо этого указывается, что царь мог приобрести верховную собственность не путем экспроприации общин, а путем узурпации прав общины на землю, выступая при этом от лица господствующего класса, или что верховная собственность царя на землю могла бы возникнуть в результате завоевания чужих общинных или племенных территорий. Эти возражения не могут выдержать критики. Верховная собственность есть все равно собственность, допускающая, по усмотрению собственника, владение, распоряжение и пользование ее объектом. Под узурпацией прав общины имеется в виду узурпация права собственности, а это и есть не что иное, как экспроприация. Господствующая знать, от лица которой якобы выступал при этом царь, не была же безземельной, а сама обладала долей в общинной собственности, а стало быть такая узурпация общинных прав не прибавляла бы прав знати, а лишь обездоливала бы и ее вместе с остальным населением. Наконец, завоеванием можно объяснить дальнейшее развитие какого-либо государства и господствовавших в нем условий, но не само создание первого классового общества и свойственных ему отношений собственности. Возникновение первого классового общества и свойственных ему отношений собственности имеют в виду н о м и н а л ь н у ю собственность царя на всю землю государства; но это явление, не подлежащее изучению экономической историей, а относящееся к ведению истории идеологии.

³⁰ О функциях государства как суверена см. Я. М. М а г а з и н е р, Общее учение о государстве, Пг., 1922, стр. 232 сл. Признаком суверенитета является неограниченное право определять объем чужих прав на всей территории подвластного суверену государства, что непосредственно вытекает из функции государства как аппарата насилия господствующего класса на данной территории, обеспечивающего поддержание необходимой господствующему классу расстановки сил в процессе производства и рас-

например, конфисковать землю за правонарушения; он может перераспределять земли между административными единицами; он собирает налоги натуральным продуктом (или деньгами), трудом и «кровью» (в виде воинской повинности); но из изложенного уже ясно, что в подобных случаях он выступает в публичной функции, а не как собственник, и поэтому — в отличие от условий, существовавших в феодальном обществе, — этот налог не является рентой. Подобные прерогативы осуществляет любое государство, в том числе и буржуазное, которое, как указывалось выше, не является собственником всей земли, и именно поэтому, подобно древним царям Ближнего Востока, облагая граждан налогом, оно может покупать у них и продавать им землю, а также дарить ее ³¹.

предления. Фактически юридический суверенитет находится в руках определенного государственного органа — верховного органа, являющегося последним источником всякой юридической власти и права в государстве и не подчиненного никаким другим государственным органам. Никакие ограничения государства невозможны помимо воли суверена. В условиях древневосточных государств II тыс. до н. э. носителем суверенитета обычно (хотя и тут не всегда), но очевидно, что им может быть любой верховный орган государства, в зависимости от государственного устройства, и это не имеет никакого отношения к собственности на недвижимость. Всякое независимое государство обладает суверенитетом. Но в то же время ясно, что не всякое независимое государство является собственником всей земли на своей территории. Юридически возможно, чтобы суверен, как источник права в государстве, создал для себя право собственности на всю землю в нем, но это совершенно не обязательно. Более того, в большинстве исторических ситуаций прошлого это даже практически не осуществимо, так как правомочия суверена, теоретически неограниченные, на самом деле ограничены расстановкой классовых сил. Еще раз напомним, что создание собственности государства на всю землю означало бы экспроприацию всех прежних собственников, не исключая и господствовавших. Поэтому сомнительно, чтобы такое явление могло бы иметь место уже в первом классовом обществе, где господствующий класс, как мы увидим ниже, в значительной мере сам входил в состав тех самых общин, которые должны были бы подвергаться экспроприации. Поскольку выше нами была изложена формулировка общих понятий владения и собственности, постольку, разумеется, эта формулировка должна относиться к любой формации; в зависимости от последней меняются субъекты и объекты собственности, но в любой формации собственность как таковая отличается от владения именно тем, что было сформулировано выше. Разумеется, это не означает, что наша формулировка совпадает с теми понятиями о собственности, которые имели сами древние. В частности, разграничение между верховной собственностью и суверенитетом принадлежит жюридической науке нового времени, а древним и средневековым юристам не было известно. История знает достаточно многочисленные случаи, когда создание того или иного государства (скажем, норвежского королевства при Гаральде Прекрасноволосом в IX в. н. э.) сопровождалось формальной декларацией о том, что отныне вся земля государства будет принадлежать царю. Подобные случаи чаще всего не имеют никакого отношения к так называемому «восточному деспотизму», и на поверку, как правило, оказывается, что верховная собственность царя здесь являлась фикцией, за которой скрывалось действительное содержание, соответствующее современному научному понятию суверенитета.

31. Даже если бы в каком-либо государстве древности существовала номинальная собственность царя на всю землю, еще нужно было бы доказать, что это обстоятельство имело не только одно гегетическое значение. Известно, например, что по английскому праву еще XX в. верховным собственником (ultimate owner) всей земли в Англии являлась королева, а любой подданный мог быть только подчиненным собственником, tenant или holder (см., например, В. Э н с о н, Английский парламент, СПб., 1908, стр. 99, прим. 1). Это — чисто номинальный пережиток феодального общества и господствовавших в нем условий разделенной собственности и вассалитета, а также совпадения суверенитета с верховной собственностью на землю, на что были свои исторические причины (например коммендация и др.), вовсе не имевшие места в древности. Есть в Англии и собственно государственная земля. Но никому не придет в голову на этом основании характеризовать отношения собственности в современной Англии словами: «Всей совокупности земли Англии номинально и фактически владеет сама королева» (ср. ХО, стр. 83). Та же концепция номинальной верховной собственности государства на землю была рецептирована США.

За последнее время появилась целая серия марксистских работ, подвергающих критике некоторые положения истории древнего мира, уже ставшие догмой, но не соответствующие действительному фактическому материалу; к сожалению, многим авторам критических работ также (а иногда в еще большей степени, чем авторам работ критикуемых) не хватает конкретного знания подлинных источников. В то же время стали появляться и работы, явно слабые как в фактическом, так и в теоретическом отношении. Все это показывает, что необходимо, наконец, отбросив всякую предвзятость попытаться разобраться в конкретных данных памятников и, исходя из достаточно четких теоретических понятий, постараться выяснить, что же представляло собой общество древнего Востока с точки зрения характера производства, производственных отношений и отношений собственности.

Необходимо сказать несколько слов о характере дошедших до нас источников по социальной структуре и экономике древнего Ближнего Востока.

Среди этих источников нарративные занимают самое незначительное место. От этого исследователь истории общества проигрывает мало — нарративные источники всегда наименее достоверны и, в сущности, рассказывают только то, что автор данного сочинения — сам лично или вместе с какой-то своей социальной группой — думал по тому или иному поводу; сверх этого нарративный источник дает некоторую канву подававшихся всеобщей проверке, а поэтому достоверных фактов самого общего характера, например, факт начала войны или установления мира, факт (но не исход) битвы, смерть правителя в бою, синхронизмы между историческими деятелями разных городов и стран и т. п. Но уже причины этой войны или причина смерти правителя, происшедшей в стенах дворца, или же характер исхода битвы (победа или поражение), на которые указывает нарративный источник, — все это, едва ли не как правило, не поддается научной проверке, если по этому поводу нет других источников, кроме нарративных же: даже если одинаковое по содержанию сообщение повторяется в этой связи в нескольких независимых нарративных источниках, то это доказывает лишь, что таково было распространенное мнение о данном факте — не более того.

Зато история Ближнего Востока эпохи древности (в особенности история Западной Азии) исключительно богата архивными источниками, гораздо более ценными, особенно для социально-экономической истории, так как представляют собой материал массовый, позволяющий наблюдать регулярно повторяющиеся ситуации, а иногда даже производить некоторые наиболее элементарные, примерные статистические подсчеты.

Среди архивных источников следует выделить, во-первых, хозяйственно-административные документы — документы учета в государственных хозяйствах, позволяющие (если они не слишком лаконичны) изучать функционирование и бюджет этих хозяйств. К сожалению, соответствующего типа документов для частных хозяйств не известно.

Во-вторых, следует выделить юридические (частноправовые) документы, раскрывающие для нас повторяющиеся жизненные ситуации, связанные с изменением отношений собственности и социального статуса физических лиц, а тем самым и характер самих существовавших в обществе отношений собственности и социальных категорий населения.

К юридическим памятникам относятся и сборники законов или судебных решений, а также служебные инструкции и т. п.

В-третьих, следует выделить эпистолярные источники, раскрывающие в гораздо большей мере индивидуальные, специфические ситуации, но зато

показывающие нам частнопроводные, а отчасти и государственные политические и экономические институты в действии и реальной координации: сюда же относится и более конкретный по содержанию жанр египетских культово-биографических текстов, рисующих социальные связи и социальные карьеры отдельных типичных представителей общества.

К этому следует прибавить культовую и отчасти художественную литературу, дающую представление об идеологии общества (в основном — официальной) и об отражении социальных институтов в сознании людей; упомянем еще памятники научные (для этого времени это, в основном, терминологические перечни и отчасти сборники разных задач; но имеются также и перечни, например, рабочих норм при различных видах труда).

Весь этот материал позволяет не только достаточно полно (для общества столь большой древности) изучать древнее право и те социально-экономические явления и процессы, которые привлекли внимание советской исторической науки за последние три с лишним десятилетия, но в дальнейшем позволит изучить еще и множество других аспектов древневосточного общества, еще по-настоящему не исследовавшихся, но важных для исторической науки. Таковы, например, проблемы исторической социальной психологии и массового поведения и многие другие.

В настоящей серии статей мы используем материал документов и писем Вавилонии старовавилонского периода (XIX—XVII вв. до н. э.)³², документов Элама того же времени, Хеттских законов (в своей основе датированных, видимо, XVII—XVI веками до н. э.) и некоторых других хеттских текстов, документов Алалаха (Сирия) с XVIII в. до н. э. Будут привлекаться также данные Египта Среднего царства и материалы несколько более поздних, но довольно архаичных обществ — Ассирии XVI—XIV вв. до н. э. (законы и документы), Аррапхи — Нузы XV—XIV вв. до н. э. (документы) и изредка — Угарита XIV—XIII вв. Рисуемая картина будет не вполне синхронной, но все же будет давать примерное представление о положении вещей на всем Ближнем Востоке с XVIII по XV век, а также в непосредственно предшествующее и последовавшее время³³.

Мы попытаемся в самых общих чертах, по необходимости кратко и не углубляясь в частные особенности исторического процесса, обрисовать характер общества в основных странах Ближнего Востока к первой поло-

³² Для Вавилонии мы в основном будем базироваться на материале из Ларсы времен Хаммурапи и его ближайших преемников; материал из Сиппара мы оставляем в стороне, отчасти потому, что Сиппар находился на особом положении внутри Вавилонского государства (со времен царя Самсуилуны здесь городской совет управлял государственной землей, существовала несколько иная, чем в других общинах, система органов самоуправления и т. п.), отчасти потому, что материал из Сиппара, обработанный на электронно-вычислительных машинах, готовится к полной публикации в Чикаго, и до этой публикации целесообразно воздержаться от далеко идущих выводов. Мы не исследовали специально и материал из Мари, поэтому он тоже оставлен нами в стороне; однако, условия в Мари были, по-видимому, очень сходны с описанными в настоящих статьях.

³³ При таком широком охвате материала ссылок на первоисточники должно было быть очень много, к тому же простая ссылка на номер текста не всегда дает сама по себе оправдание изложению в тексте взгляду, так как источники часто могут быть по-настоящему осмыслены только в сопоставлении друг с другом. Поэтому, в целях экономии места, мы во многих случаях будем ссылаться на монографические исследования, выводы которых в данном пункте кажутся нам правильными; в таком исследовании читатель найдет уже и дальнейшие ссылки на первоисточники. Монографии, на которые делаются ссылки, — по большей части русские, так как за рубежом социально-экономической проблематике уделялось мало внимания. Большинство приводимых данных проверено по первоисточникам (кроме хеттоязычных и древнеегипетских) Н. Б. Янковской; автор приносит ей горячую благодарность за этот принятый ею на себя труд.

вине II тыс. до н. э.³⁴. При этом основной нашей задачей будет показать структурные черты, общие для всего Ближнего Востока с III тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э.; поэтому, как уже упоминалось, мы будем мало касаться важных черт различия между ними, которые тоже наблюдаются. По существу, описываемые ниже общества принадлежат к трем различным типам или путям развития древнего мира на почти одинаковом этапе исторического развития. Южное Двуречье — типичное общество с речной ирригацией на основе накопления запасов паводковых вод — уже пережило к этому времени период мощного расцвета государственных хозяйств и свойственных им особых форм зависимости и эксплуатации; во II тысячелетии в результате переворота, свергнувшего здесь государство III династии Ура, нерациональная эксплуатация в государственных хозяйствах Двуречья была сильно смягчена³⁵, зато широко развились частные хозяйства, основанные на рабстве почти классического типа. Здесь был выше уровень товарности производства, чем в других областях³⁶; вообще Вавилония во многом ушла к этому времени вперед по сравнению с соседями. Иное дело — раннеклассовые общества периферии Западной Азии, основанные на скотоводстве и неполивном земледелии, где государственные хозяйства не получили такого развития, а формы эксплуатации не отличались четкостью выработанных форм³⁷. При этом следует различать, например, с одной стороны ассирийское общество (вернее, для этого времени, общество города-государства Ашшур), имевшее своеобразную судьбу: вначале Ашшур был центром международного обмена, а позже — центром создания крупнейшей военной державы; с другой, — общество, скажем, Аррапхи — Нузы, небольшого окраинного, рядового, даже захолустного (и тем более важного исторически) государства, которое, однако, восприняло писцовые традиции, шедшие из старой Вавилонии с ее относительно широким распространением грамотности, и потому фиксировало в письменных документах такие общественные процессы, которые в более развитом Двуречье протекали на 700—800 лет раньше почти без всякой письменной фиксации и известны нам только по косвенному отражению в редких документах купли-продажи. Наконец, еще иное дело Египет с его бассейновой речной ирригацией и однолинейными связями между номами, вытянутыми вдоль реки. И тут, как и в Вавилонии, начало II тыс. было периодом подъема отдельных средних частных хозяйств. Отношения, слагавшиеся в эту

³⁴ Черты по крайней мере одного из ведущих обществ древнего Ближнего Востока III тыс. до н. э. — общества Южного Двуречья — можно в общих чертах считать выясненными после работ: В. В. Струве. Очерки социально-экономической истории древнего Востока, ИГАИМК, 97, 1934; он же, Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура, СВ, VI, 1949, стр. 149 слл.; А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М. — Л., 1956 (далее — ГХДШ); Дьяконов, ОГСДШ; В. В. Струве, Община, храм и дворец, ВДИ, 1963, № 3, стр. 11 слл. (называем только те работы, которые представляются нам важнейшими; подробную библиографию см. в кн.: Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959), М., 1961). Менее исследован Египет эпохи Древнего царства; см. пока Перепелкин, ЧСПЕ; он же, Меновые отношения в староегипетском обществе, СВ, VI, 1949, стр. 302 сл.; Савельева, АСЕ; Н. М. Постовская, Familia в Египте Древнего царства, ВДИ, 1967, № 1, стр. 3 слл.

³⁵ О причинах этого явления в конкретных условиях Двуречья см. И. М. Дьяконов, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, НАА, 1966, 1 (далее — ОЧЭ), стр. 50; он же, ОГСДШ, стр. 266 слл.

³⁶ Это был временный подъем; в связи с ростом ростовщичества и одновременно с засолением почвы в следующий период развития Вавилонии вообще и ее товарного хозяйства в частности испытало известный регресс.

³⁷ Об отдельных типах и путях развития древнего общества см. Дьяконов, ОЧЭ, стр. 44 сл. Упомянутые здесь общества отнесены в этой статье к экономическим типам IАб и IБ: общество Египта можно было бы обозначить IВ.

выступает только там, где у нас есть достаточный фонд документальных источников частного характера или — эпистолярных, но также специально связанных с хозяйствами отдельных фамилий. Учета в письменной форме в таких хозяйствах не велось, поэтому там, где у нас есть только хозяйственные архивы, там мы узнаем только о царском и храмовом хозяйстве, и создается абберрация — кажется, что ничего другого в обществе и не было.

Мало того, даже сборники законов, — хотя появление их и было, видимо, связано с ростом частных хозяйств и частноправовых отношений (ср. ЗВАХ, I, стр. 262), — дают мало сведений о социально-экономических условиях, существовавших вне храма и царского хозяйства. Дело в том, что даже наиболее всеобъемлющий из законодательных памятников древнего Востока — Законы Хаммурапи — касается вопросов, задевавших прямо или косвенно интересы государства и государственного хозяйства, и регулирует преимущественно взаимоотношения между гражданином и государством (или государственным хозяйством), — хотя преимущественно такие их взаимоотношения, которые возникали в связи с развитием частных хозяйств (ОГСДШ, стр. 274). Внутренние вопросы государственных хозяйств разрешались, естественно, в административном порядке произвольно и в законодательном регулировании не нуждались. Все же остальные правовые вопросы, вплоть до таких распространенных преступлений, как обыкновенная кража или обыкновенное убийство, если они не осложнены особыми обстоятельствами, предоставлялись действию обычного права (ЗВАХ, I, стр. 263), которое лишь иногда видоизменялось введением отдельных новаций. Очень мало касаются социально-экономической жизни вне государственных хозяйств и такие источники, как различные инструкции должностным лицам, дошедшие до нас из Хеттского царства, а также из Египта ⁴⁰.

Поэтому до тех пор, пока не были обнаружены частные сделки с землей в Шумере ⁴¹, предполагалось, что территория шумерских городов-государств представляла собой сплошную царскую или храмовую собственность ⁴².

⁴⁰ В Хеттском царстве: Schuler, HD. Однако например, инструкция наместнику *BĒL MADGALTI* касается и вопросов подсудности (ср. выше прим. 23) и взаимодействия наместника с общинными старейшинами. Иной характер имеют указы, издававшиеся по специальным случаям в Вавилонии, например, F. R. Kraus. Ein Edikt des Königs Ammi-saduqa von Babylon, Leiden, 1958, и др.; в Ассирии — E. Weidner, Hof- und Harem-Erlasse assyrischer Könige aus dem 2. Jahrtausend v. Chr., AfO, 17, стр. 257 сл.; в Аппахе — AASOR, XVI, 51. В Египте: N. de Garis Davies, The Tomb of Rekh-mi-re' at Thebes, II, N. Y., 1943, табл. 116—122.

⁴¹ Первые сделки подобного рода были известны в автографических копиях уже по крайней мере с начала XX в., но они не являлись предметом исследования. Впервые к ним обратились Л. Матоуш (L. Matouš, Zu den Ausdrücken für «Zugaben» in den vorsargonischen Grundstückkaufurkunden, AoOr, XXII, 1954, стр. 434 сл.), И. М. Дьяконов (И. М. Дьяконов, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере, Доклады советской делегации на XXIII МКВ. Секция ассириологии, М., 1954; он же, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине, ВДИ, 1955, № 4, стр. 10 сл.) и И. Е. Гелб (I. J. Gelb, Old Akkadian Stone Tablet from Sippar, RSO, XXXII, 1957, стр. 83 сл.; ср. также его более раннее издание автографий — «Sargonic Texts from the Diyala Region» (MAD, I), Chicago, 1952; он же в настоящее время готовит полное издание этих документов). См. также M. Lambert, Textes commerciaux de Lagash. III, AoOr, XXIII, 4, 1956, стр. 558 сл.; Дьяконов, ОГСДШ, стр. 46 сл.

⁴² Это стало общим местом после работ А. Даймеля и его учеников (см. особенно A. Deimel, Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, AoOr, II, стр. 78) и еще недавно было повторено А. Фалькенштейном (A. Falkenstein, La cité-temple sumérienne, CHM, I, 4, 1954, стр. 784 сл., особенно стр. 791). В свете того, что сказано выше о верховной собственности государства на землю, не приходится удивляться, что возникла дикая мысль о «государственном со-

В не менее (если не более) трудном положении находится исследователь Египта времени Среднего царства. Если для Древнего царства наличие внесударственных домашне-общинных хозяйств сейчас представляется по меньшей мере весьма вероятным ⁴⁵, то специфический характер источни-

⁴³ См. A. Goetze, *Kleinasien*, München, 1907, стр. 111, 122 и 210.
Die hethitische Gesellschaft (в печати).

44 См. Дьяконов, *Древние крупные вельможные хозяйства*.

44 См. Діакопонт, Die Kosten

[illegible]

ков времени Среднего царства (культово-биографические надписи номархов и чиновников, редко — других частных лиц, царские надписи, описи царской земли и людей) до сих пор не позволяет, как кажется, выяснить характер взаимоотношений между государственным сектором ⁴⁶ экономики и теми частными хозяйствами, которые были расположены не на той земле, которая являлась прямой собственностью государства в лице царя, а на другой, наличие которой, видимо, уже не подлежит сомнению. Эта проблема должна подвергнуться дальнейшему исследованию.

Для остальных же государств Ближнего Востока этого времени деление земли на царскую (или храмовую) и общинную в течение всего III и II тыс. до н.э. вполне очевидно⁴⁷. Это деление четко отразилось и в терминологии. Так, в Шумере еще во времена культуры Джемдет-наср (XXX—XXVII вв. до н.э., см. P1, 38; 73) различалось имущество жрецов, или жреца-правителя, или храма — и общины (SAR-en и SAR-uru); так же и в Шуруппаке XXVII—XXVI в. (é, é-gal и uru)⁴⁸; в Лагаше XXV—XXIV вв. земли общинников обозначалась в сделках, в отличие от храмовой земли, как

царства господствовавшим типом семьи была «малая» семья, и что «большая» семья и домашняя община, в противоположность всей Западной Азии, здесь во II и даже III тыс. до н.э. уже фактически отмерла.

⁴⁶ Ср. Gen., 47, 20—24 (по масоретской версии): «И скупил Иосиф все земли (букв. „всю почву“, нем. Boden, др. евр. 'ādāmā) Египта для фараона, ибо продали египтяне каждый свое поле, ибо одолел их голод; и стала страна (hā'āgās) фараоновой. А народ — перевел он его в поселения ('ārim) из конца пределов Египта до (другого) конца; только земли жрецов не купил; ибо (была) жрецам доля (или: „закон“, — hōq) от фараона, и пользовались они долей своей, которую дал им фараон; потому не продали они свои земли. И сказал Иосиф народу: вот, купил я вас днесь и земли ваши для фараона; вот вам семена, и можете засеять земли. И будет при урожае, что отдадите вы пятину фараону, а четыре доли будут вам на засев поля и на ваше пропитание и тех, кто в домах ваших, и на пищу вашим детям». Итак, автор этого рассказа считает, что жрецы в Египте пользовались неотчуждаемыми служебными падедами (или довольствием?) на царской земле уже до описываемых им предполагаемых событий, а вся остальная земля перешла в собственность царя якобы путем скупки ее у населения. Рассказ этот вряд ли может соответствовать действительности. Заметим, что налог в виде пятины значительно ниже даже нормы существовавшей в то время арендной платы; очевидно, что это — толкование каких-то своеобразных египетских условий, малопонятных жителю Передней Азии. Давно высказывалось мнение, что эта поздняя (начало I тыс. до н.э.) библейская легенда, возможно, создана для того, чтобы объяснить явление предполагаемой всеобъемлющей царской собственности на землю в Египте. Есть, впрочем, основание думать, что в Египте Среднего царства различалась царская и нецарская земля (или царская и лишь номинально царская?), причем последняя фактически находилась в полной собственности полноправных граждан, в их владении, распоряжении и пользовании. [В Египте Среднего царства деление земли на царскую, храмовую, частную и т.п. не засвидетельствовано ни прямо, ни косвенно. Однако земля покупалась — обыкновенно говорят о «приобретении» (jn) или «оформлении документа на землю» (htm), — передавалась по наследству и продавалась. Особенно интересны в этом отношении так называемые «сиутские документы», договоры, заключенные номархом XIII Верхнеегипетского нома (Сиут) df3j-h'pjo жрецами местных храмов (F. Ll. Griffith, The Inscriptions of Siût and Dêr Rifeh, L., 1889) о заупокойном культе номарха. Обеспечение культа дается из «собственного (qt) имущества» номарха, которое включает как «имущество отцовское», т.е. унаследованное, так и «имущество (по должности) номарха». В частности, в составе имущества оказывается земля; но если землей от ц о в с к о й номарх распоряжается свободно и передает известную площадь жрецам в оплату их услуг, то, напротив, д о л ж н о с т н а я земля не отчуждаема. Номарху только принадлежит ее урожай. Оплачивая из него жрецов, номарх выражает надежду, что его преемники в должности не отменят его распоряжений относительно урожая с должностной земли, ибо так поступают (т.е. используют должностное имущество) «все чиновники и все малые». — Справка О. Д. Берлева].

⁴⁷ См. об этом Дьяконов, ОГСДШ, стр. 83 сл., 117; Тюменев, ГХДШ, стр. 426; И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1 (далее — ОДВ), стр. 31.

⁴⁸ R. Jestin, Tablettes sumériennes de Suruppak, P., 1937 (далее — Sur.), T 554 и T 613.

Соответственно этому и люди, сидящие на царской и на общинной земле, четко различаются и терминологически, и по объему прав. Ограничимся примерами из II тыс. до н. э. В Вавилонии различаются *awilū* «люди, господа» — на общинной земле ⁵³ и *muškēnū* «склоняющиеся ниц» — на царской ⁵⁴; общинники здесь назывались также «сыновьями (т. е. гражданами) той или иной общины. В Ассирии и в ряде городов Сирии и Финикии «людям», или «сыновьям» общины, по-видимому, противопоставлялись *ḫur-ṣu* ⁵⁵ или также *muškēnūtu*. В Хеттском царстве противопоставлялись «свободные» (LÚ EL-LUM) и «люди службы» (LÚ IL-KI X3, § XXX), или же, иначе, «люди общины» (LÚ URU^{LIM}, DUMU URUN.) и «люди службы» (LÚ IL-KI) ⁵⁶; последние и в хеттских владениях, в том числе и в Сиро-Финикии, иногда (возможно, неофициально) назывались термином *muškēnūtu* ⁵⁷.

80 см. дубяконов, сопоставление документов Th. D. 16 и Th. D. 40 с документами, относящимися к царской земле в той же переписке царя Хаммурапи в статье: И. М. Дьяконов, *Muškenum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи, «Eos», XLVIII, 1956, 1, стр. 51 сл. (истолкование этих документов у Th. D. ошибочно).

⁵² Это зависело от того, находилось ли поле во владении царского служащего (LU^{GIS} TUKUL).

⁸⁴ Этот характер противопоставления *avilum*'а и *muškēnum*'а обоснован Дьяконовым (*Muškenum*... стр. 53—62). Впрочем, еще И. Колер и Ф. Пейзер считали *muš-*

53; он же, ОЧЭ, стр. 50 сл.
⁶⁵ М. Л. Гельцер, Классовая и политическая борьба в Библие амарнского времени, ВДИ, 1954, № 1, стр. 33 слл.; ЗВАХ, II, стр. 232⁶. Царскими людьми были *biršū* и в Аррапхе — см. Н. Б. Янковская, Хурритская Аррапха, ВДИ, 1959, № 1 (далее — ХА), стр. 32.

⁵⁷ Под этим названием они иногда фигурируют в кадастрах царской земли (Vl. Souček, Die hethitischen Feldertexte, ArOr, 27, 1959 текст A, лев. край 1—3 и ср.

Различие между людьми общины и людьми службы обычно по всей древней Западной Азии проводится и при наименовании отдельных лиц, а именно, общинники, помимо личного имени, называются еще и по отчеству или по своей территориальной общине, а служилые люди — по личному имени и по профессии. Конечно, встречаются и «совместители», обладавшие и наделом за царскую службу, и наделом в общине.

Далее, это различие повсюду ярко отражается и в вопросах подсудности. Особенно наглядно это можно проследить в Вавилонии и Хеттском царстве: общинники подсудны коллективному общинному суду или совету старейшин, действующему иногда совместно с представителем царя, а служилые люди — только суду должностных лиц⁵³, на который, между прочим, видимо, и были обычно рассчитаны известные древневосточные сборники законов (именно поэтому, очевидно, в них отсутствуют нормы, относящиеся к делам, которые царским судам принципиально неподсудны)⁵⁴. В случае конфликта между общинниками и служилыми людьми, дело решал смешанный суд (HG, VI, 1741; Th. D. 40).

Это противопоставление, как правовое, так и терминологическое, основывалось на том, что царские люди держали повсюду только условные наделы на земле, собственником которой был царь (или храм)⁵⁵, а общинники сами были собственниками земли в пределах общин⁵⁶. Можно полагать

В, об. VI, 15) и в других документах, см. VI. Souček, Randnotizen zu den hethitischen Feldertexten, MIO, VIII, 3, 1963, стр. 371 слл. и особенно стр. 381, прим. 53. Ср. М. Л. Гельцер, Социальное деление свободных слоев населения в Угарите XIV—XIII вв. до н. э., ПСЭИДМ, стр. 68 сл.

⁵³ См. выше прим. 23. О вавилонском судопроизводстве см. пока A. Walther, Das altbabylonische Gerichtswesen, Leipzig, 1917 (далее—ABGW), стр. 55 сл.; H. Klempner, Zu den *šibūtum* in altbabylonischer Zeit, Or, 29, 4, 1960, стр. 357 слл.; см. также ЗВАХ, I, стр. 297 сл.; однако все эти работы не касаются вопроса подсудности.

⁵⁴ Как указано в ЗВАХ (I, стр. 263), в ЗХ нет общих норм наказания за убийство, в том числе за простое неквалифицированное убийство общинника (*awilum*, т. е. не царского человека!), нет норм уголовной охраны движимой собственности общинника (даже рабовладельца), не затронуты вопросы орошения, нет налогового и повинностного права для общинников (*awilū*) (регулируется только служба держателей царской земли), нет регламентации отношений между частными лицами и общиной и т. д., — т. е. всех тех вопросов, которые касались исключительно общины и общинников. Очевидно, они решались по обычному праву. Почти таково же положение и во всех других сборниках законов II тыс. до н. э.

⁵⁵ ЗВАХ, I, стр. 269 сл.; ЗХ, § 35—38. Ср. все письма с жалобами на несправедливое отобрание или раздел земли царскими чиновниками в переписке Хаммурапи с Шамашацциром, за исключением текстов Th. D. 16 и отчасти 40, относящихся к общинной земле (в первом случае земля принадлежит *awilum*'у, и царь запрещает чиновникам вообще распоряжаться ею; во втором земля оспаривается двумя лицами, из которых один имеет служебное звание; но решение дела старейшинами, а не по произволу царской администрации, указывает, что речь идет не о его служебном наделе). В Ассирии, Аррапхе и некоторых других областях типа I Б фонд царской земли (за исключением «долей двора», о которых ниже) был невелик. Принадлежность наделов «людям службы» (*LÚ IL-KI*) царю в Хеттской державе явствует из ХЗ, § 41.

⁵⁶ По вопросу об общинах в странах древнего Востока (хотя, кажется, нет уже больше наивных попыток найти здесь общину типа средневековой индийской) в некоторых наших современных исторических работах все еще царит большая путаница опять-таки в связи с неправильной трактовкой вопросов собственности. Примером и тут может служить монография Э. А. Менабде. С одной стороны, автор считает, что территориальная община (всякая или только некоторые?) «сближалась с царскими землями» (ХО, стр. 141) и что общины выступали как «посредники-совладельцы» царя (стр. 95) или даже полностью «вливались» в царское хозяйство. С другой стороны, он не может не видеть различия между государственной и общинной землей. При этом, по Менабде, общинная земля якобы не подлежала купле-продаже (стр. 111); в то же время будто бы существовала еще и частная земля, неизвестно как соотносившаяся с государственной и общинной. Частная собственность, по Менабде, возникала, во-первых, путем расчистки незанятых земель. Но спрашивается: кто производил эту расчистку? Если община, то почему бы расчищенные земли могли стать частными? Если частное хозяйство, то каким образом оно стало частным до расчистки незанятых?

более характерны индивидуальные, «малые» семьи непосредственных производителей материальных благ, а вне их — иерархические структуры домашних, большесемейных общин. Последние обычно входили в состав общин территориальных, гарантирующих своим членам полноту гражданских прав, и прежде всего, видимо, право на земельную собственность (этим объясняется, почему членами территориальных общин были и очень богатые и знатные землевладельцы). Именно общинная структура организации свободного населения вне государственных хозяйств является одной из наиболее характерных черт всей вообще древности. Таким образом, в условиях низкой товарности общественного производства масштаб типичного семейного хозяйства обычно является первоначальным критерием для вероятного отнесения его к общинному или государственному сектору общества ⁶³, хотя, разумеется, критерий этот — лишь очень приближенный, а не абсолютный.

Необходимо подчеркнуть, что хотя общинники в III — первой половине II тыс. до н. э. и платили обычные налоги (натурой, трудом и т. д.), а некоторые из них подвергались эксплуатации со стороны ростовщиков или старших родичей, однако нельзя считать общинников как таковых эксплуатированной категорией населения, прежде всего потому, что только общинники обладали гражданским полноправием и что в их число входила и общинная знать, включая тех же ростовщиков. Положение древневосточных общинников этого периода в отношении собственности и места в производстве, а также прав, ничем не отличалось от положения граждан олигархических или монархических полисов ранней Греции, однако никто не считает граждан подобных греческих полисов эксплуатированным классом раннегреческого общества; а если кто-либо из них попадал в экономически тяжелое положение и подвергался эксплуатации, то никому не приходит в голову считать это обстоятельство определяющим для социально-экономической характеристики всего древнегреческого общества. Поэтому формула, согласно которой в древней Европе эксплуатированным классом были рабы, а в древней Азии — «рабы и общинное крестьянство» ⁶⁴, должна быть отброшена раз и навсегда.

Иное дело — государственные зависимые люди (широко распространенная на древнем Востоке, но известная и на древнем Западе социальная категория). Кстати говоря, в отличие от восточных общинников и западных граждан полисов, именно эта категория никаких налогов не платила, а обязана была сдавать государству всю продукцию своего производства в

⁶³ Могли, впрочем, существовать и особые случаи. Например, бродячие овцеводы-аморреи, не имевшие в те времена в своем распоряжении ни лошадей, ни верблюдов, вынуждены были держаться со своими овцами на окраинах плодородной земли, не далее одного-двух переходов от воды (по Х. Кленгелю). Поэтому они часто стремились осесть на земле хотя бы на часть года. Таким полукочевникам цари Мари предоставляли селиться на своей территории целыми родами и общинами, в том числе, как думает Кленгель, и на царской земле. На царской же земле селились, во всяком случае, и изгой-хипуру, которые также, быть может, могли образовывать домашние и другие общины с очень мелкими условными земельными наделами — см. Я н к о в с к а я, ЗБДО, стр. 42; ср. АТ, 226; PRU, IV, 17.238 и мн. др. С другой стороны, в старовавилонском обществе с его довольно высокоразвитой товарностью (даже царские ремесленники, как мы увидим, здесь в большой мере работали на рынок) достаточно долго выживали не только очень крупные, но и средние индивидуальные хозяйства «малых семей».

⁶⁴ Эта формула выработалась в порядке компромисса в ходе спора между сторонниками «рабовладельческой» и «феодальной» точек зрения на общество древнего Востока во время дискуссий 30-х годов. Она не отражает никакой исторической реальности для Ближнего Востока III—II тыс. до н. э. и заранее предполагает, что развитие народов, живших по обе стороны условной линии, ныне отделяющей Азию от Европы, искони и извечно было принципиально различным. Однако это представляется маловероятным допущением.

качестве своей служебной обязанности, и лишь часть этой продукции возвращалась к царским работникам в виде довольствия. Таково было положение в Египте Среднего царства ⁶⁵, но, видимо, таково же было положение и в Вавилонии в отношении царских людей-земледельцев и ремесленников ⁶⁶.

Теперь необходимо ближе рассмотреть структуру сначала общинного, а затем и государственного экономического сектора в обществах Ближнего Востока первой половины — середины II тыс. до н. э.

PROBLEMS OF PROPERTY. THE STRUCTURE OF NEAR EASTERN SOCIETY TO THE MIDDLE OF THE SECOND MILLENNIUM B. C.

by I. M. Diakonoff

The first part of the article contains a detailed analysis of the category property, including the category of supreme ownership, in connection with the widespread theory that in all the countries of the Ancient Orient the king was supreme owner of the land. The author shows that this theory brings its adherents into complete contradiction with historical facts that have been firmly established for Sumer, Akkad, Babylonia, Arrapha, Assyria, Alalah, Ugarit, the Hittite kingdom and other similar states. It may be taken as proved that in these states during the period under review (until the middle of the second millennium B. C.) the king was not supreme owner of all the land. Neither was the king the real owner of all the land in Egypt of the Old and Middle Kingdoms.

This part of the article also contains a comparative evaluation of various types of historical sources (narrative, documentary — economic, administrative and legal — literary and others) from the standpoint of the scientific authenticity of the facts established by their aid.

Attention is turned in the second part of the article to a feature that is characteristic of the whole Near East, the division of the land into royal or temple land and community land (Sum. SA R-e n and SA R-u r u, é-g a l and u r u; Akk. *eqlát ēkallim* and *eqlum dūrum*; the Hittites have land of LÜ GIS^{TUKUL} and of LÜ URULIM, on the one hand, and of LÜ IL-KI on the other) and of the population into citizens (Akk. *muškē-awilū*, among the Hittites LÜ EL-LUM) and royal officials and workers (Akk. *muškē-nūtum*, *ḫupšu*; the Hittites have also LÜ IL-KI for the officials and SAG.GEME.İR for the workers; in Egypt the latter are called ḥmw njswt). Underlying this universal twofold division was the difference in property relations on the two types of land: on royal or temple land there was only conditional possession of the land, which was owned by the state, while beyond its borders the land was owned by large family communes; these might form broader structures, which were included in territorial communities. Only membership in territorial communities gave full-fledged citizenship rights. With respect to their social position the members of oriental communities in the first half and middle of the second millennium B. C. were essentially no different from the citizens of the early Greek oligarchic and monarchical city-states.

The present study is to be followed by an analysis of the conditions in the ancient oriental economy of this period in the community and state sectors taken separately, which will make possible a more precise definition of the character of this type of society as a whole. Meanwhile it may be confidently asserted that the definition according to which «slaves and communal peasantry» were the main exploited classes in the Ancient Orient of the second millennium B. C. has no basis in reality.

⁶⁵ См. О. Д. Берлев, «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства, Автореф. дисс., Л., 1965, стр. 6.

⁶⁶ См. о сборах с царских людей в Вавилонии P. Koschaker, Zur staatlichen Wirtschaftsverwaltung in altbabylonischer Zeit, ZAss, 42, 1947, стр. 135 сл. К сожалению, величина сбора по отношению к полному объему продукции не установлена.